

Некоторые наблюдения над символикой сфрагистических памятников галицких Ростиславичей*

В то время как буллы большей части княжеских династий Рюриковичей известны нам в десятках, если не в сотнях экземпляров, состояние изученности сфрагистических памятников галицких Ростиславичей можно охарактеризовать как своеобразное белое пятно в княжеской сфрагистике Древней Руси. Согласно фундаментальному Своду древнерусских печатей, с первой галицкой династией можно с определенной долей вероятности связать лишь две или три из многих тысяч учтенных в нем булл¹. Относительная редкость находок печатей на территории Галицкой земли объясняется, прежде всего, более слабой археологической изученностью ее городских центров в сравнении с Новгородом, Киевом или Черниговом, а также недостаточным вниманием к политической истории первой галицкой династии, специально которой до недавнего времени была посвящена лишь одна статья начала XX в.²

Этот пробел можно восполнить благодаря привлечению материалов из частных коллекций Украины, которые, как доказывает практика последних лет, содержат значительное количество печатей, до сих пор неизвестных исследователям. В некоторых случаях находки в таких коллекциях не подвержены главному недостатку частных собраний, — они в той или иной степени паспортизированы, что значительно облегчает их отождествление. Именно в одной из таких частных коллекций, недавно опубликованной, нам удалось разыскать несколько экземпляров печатей, которые возможно связать с некоторыми представителями династии Ростиславичей. Речь идет о коллекции Р. В. Саввова, каталог которой ее владелец недавно разместил на Интернет-сайте П. Г. Гайдукова³; и с которой нам несколько ранее удалось познакомиться благодаря любезности владельца.

Упомянутая интернет-публикация содержит не только изображения печатей и их описание, но и небольшое исследование, в котором Р. В. Саввов сделал попытку их атрибуции. Наше исследование посвящено не только некоторым аспектам методики этих атрибуций, но и наблюдениям общеисторического характера.

Среди опубликованных Р. В. Саввовым печатей пять возможно атрибутировать как печати галицких Ростиславичей. Эти печати происходят из одного региона — Дунаевецкого района Хмельницкой области (лишь второй экземпляр одной из этих находок происходит из Черновицкой области). Находки датируются 2001 и 2003 гг. К сожалению, мы так и не смогли получить ответ на вопрос, происходят ли эти печати из одного или разных археологических комплексов. Четыре из

* Благодарю Сергея Пивоварова и Валерия Нечитайло за ценные подсказки при обсуждении этой статьи; Ростислава Саввова за возможность познакомиться с материалами его коллекции. Не менее бесценным для автора стали материалы и подсказки Федора Успенского и Дариуша Домбровского.

пяти булл находят себе параллели в *Своде актовых печатей Древней Руси*, три из них оттиснены, очевидно, с тех же матриц, что и уже опубликованные в *Своде*.

Как отмечено выше, в своей публикации Р. В. Саввов делает попытку атрибуции опубликованных булл. Так, печать с изображением Иоанна Предтечи и надписью на обратной стороне «Господи помози рабу своему Иоанну» он связывает со звенигородским и перемышльским князем Володарем Ростиславичем. Как справедливо заметил Р. В. Саввов, упомянутая печать оттиснена с той же матрицы, что и булла № 121в *Свода*, происходящая из Черниговской области. От себя добавим, что известны и несколько других вариантов матрицы буллы владельца этой печати, — № 110 и 121г *Свода*, происходящие из Новгорода и Киева⁴.

Находка сразу двух экземпляров из Хмельницкой и Черновицкой областей, действительно, дает нам основание искать владельца этих печатей среди князей этого региона. Ссылаясь на предположение Л. В. Войтовича о том, что крестильным именем Володаря было Иоанн⁵, сделанное на основании погребении князя в построенном им храме Иоанна в Перемышле, Р. В. Саввов и пришел к выводу о принадлежности этой печати Володарю Ростиславичу.

Однако такая атрибуция не кажется нам бесспорной. Первое и главное, — у нас нет никаких оснований считать, что при крещении Володарь был наречен именно Иоанном. Храм в честь св. Иоанна Предтечи, заверченный в Перемышле в годы его правления, был, скорее всего, заложен еще его старшим братом Рюриком⁶. Во-вторых, находка двух экземпляров печатей этой группы в Поднепровье и еще одной в Новгороде подталкивает нас к тому, чтобы поискать владельца этих печатей среди князей, теснее связанных с политической жизнью Руси. Вспомним, что Володарь, сев в Перемышле, перестал интересоваться событиями в Киеве. Он не упоминается среди участников ни одного княжеского съезда, даже Любецкого, в котором принимал участие его младший брат Василько; а о брачных связях Володаря нам ничего не известно. С другой стороны, среди всех Ростиславичей внимание исследователя прежде всего должен был бы обратиться на себя другой князь — Иоанн Василькович⁷. Он не только носил христианское имя Иоанн, но и был женат на дочери черниговского и киевского князя Всеволода Ольговича⁸, что могло бы объяснить находки в Чернигове и Киеве. Некоторая архаичность формуляра печати, — наличие благожелательной надписи, не может служить аргументом против возможности такой атрибуции, поскольку уже известны экземпляры таких булл, датируемые 20-ми гг. XII в.⁹

Печать из коллекции Р. В. Савова, отсутствующая в *Своде*

121 в

110

121г

227

227Аа

23366

Однако наше исследование не посвящено исключительно пересмотру атрибуции печатей из коллекции Р. В. Саввова. Систематизируя эти и другие экземпляры печатей из публикации коллекции Р. В. Саввова, а также печати из Поднестровья, учтенные в *Своде*, нам, как кажется, удалось подметить некоторую закономерность. Все 100 процентов княжеских печатей (т. е. печатей с изображением двух святых¹⁰), происходящих из этого региона, содержат изображение св. Иоанна Предтечи. На 80 процентах из них одновременно помещено изображение св. Василия Кесарийского. Последняя группа печатей происходит исключительно из Восточного Поднестровья — региона влияния теребовльских Васильковичей.

Таким образом, оставляя в стороне вопросы атрибуции других булл коллекции, мы заинтересовались вопросом о возможности закрепления за Ростиславичами в качестве своеобразного (родового или земельного) геральдического знака изображения св. Иоанна и, соответственно, за Васильковичами — св. Иоанна и св. Василия. Вопрос о закреплении определенных изображений в качестве геральдических символов отдельных ветвей Рюриковичей уже поднимался в литературе. Речь идет не о местных вариантах

три- или двузубцев, а о гипотезе И. И. Трофимова о закреплении «процветшего креста» в качестве геральдического знака городенских князей XII в.¹¹ В свое время такую возможность отрицал С. В. Белецкий¹², его мысль разделяем и мы. Наряду с другой христианской символикой, крест издавна является частью геральдических изображений. Однако его универсальность, широкое использование, в частности и «процветшего» креста, в декоративном оформлении храмов, женских украшениях и т. п. исключает возможность его присвоения отдельной ветвью Рюриковичей в качестве геральдического знака¹³.

Нельзя согласиться и с предположением об устоявшихся парах имен, к которой прибегают, в частности, и Р. В. Саввов, чтобы связать одну из печатей с изображением свв. Василия и Иоанна с Владимирком Володаревичем.

Предположение о существовании устоявшихся пар имен делается, как правило, на основании единственного прецедента совпадения светских и христиан-

ских имен Владимира-Василия Святославича и Владимира-Василия Всеволодовича Мономаха. Судя по всему, в Древней Руси так и не сложилась практики устоявшихся пар имен, и имена давались по святцам в пределах определенного «княжеского» именованья (который у каждой из ветвей Рюриковичей имел свои некоторые особенности). Так, по неполным сведениям древнерусских источников, нам известны пять вариантов крестильных имен к княжескому имени Владимир, пять — к Мстислав, шесть — к Олег, семь — к Святослав, и целых одиннадцать — к Всеволод. Впрочем, не так давно А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский все же выделили несколько пар имен, наиболее часто повторяемых в княжеском именованье: Владимир-Василий, Мстислав-Федор, Ростислав-Михаил, Святослав-Николай, Игорь-Георгий, Владимир-Дмитрий, ограничив их употребление наследованием традиций внутри отдельных ветвей рода Рюриковичей¹⁴. Не могло ли быть употребление, вслед за Владимиром Святым, имени Василий в качестве крестильного для Владимирка Володаревича попыткой поиска новых родовых традиций Ростиславичей, рано, еще во второй половине XI в., выделившихся из тогда относительно единого рода Рюриковичей? В этом свете любопытно, что старший сын Ростислава Владимировича получил имя мифического основателя династии Рюрика, уже позабытое (или только недавно появившееся в летописной генеалогии русских князей), чем, собственно, как бы закладывалась династическая история нового, уже самостоятельного княжеского клана¹⁵. Впрочем, возможность именованья Владимирка Володаревича Василием остается в разделе догадок и требует дополнительной аргументации¹⁶. Ведь еще одним, правда не непреодолимым, препятствием наречения Владимирка Василием было то, что на момент его крещения был жив его дядя Василько Ростиславич.

Имя Иоанн было популярным среди Ростиславичей, его носили два представителя этого рода — Иван Василькович и Иван Ростиславич. Более того, оба эти случая — наиболее ранние примеры, когда у Рюриковичей имя Иоанн было одновременно родовым и христианским¹⁷.

Еще одним аргументом в пользу нашего предположения является тот факт, что главными храмами Перемышля и Галича — двух главных столов Ростиславичей — были храмы, посвященные св. Иоанну (в Галиче при церкви св. Иоанна существовал монастырь; мы знаем что не только в храме Богородицы, но и здесь хоронили князей, — так, здесь был похоронен Ростислав «Берладчич»¹⁸).

Казалось бы, наше внимание должно было бы привлечь и то обстоятельство, что по предположению Л. В. Войтовича старший сын Романа Мстиславича, пытавшегося основать следующую после Ростиславичей галицкую династию, получил нетипичное для вольнской ветви Мстиславичей христианское имя Иоанн¹⁹. Так называет «короля Руси» (т. е. Даниила Романовича) в своем послании папа Иннокентий IV²⁰. В отношении второго христианского имени Даниила возникают оправданные сомнения. Примечательно, что в упомянутых папских посланиях имя Иоанн встречается в письмах, составленных в Лионе в мае 1246 г. В дальнейшей переписке, начиная с 1247 г., Иннокентий IV употребляет уже ис-

ключительно известное нам по древнерусским источникам имя Даниил²¹. Также Даниилом именуется «герцога Галича» папа Александр IV в послании, датированном 13 февраля 1257 г.²²

Действительно, пара имен Даниил-Иоанн выглядит несколько странно, — ведь оба имени, в том числе и княжеское, являются христианскими²³. Как нам кажется, имя Иоанн, по отношению к Даниилу, было не христианским, а родовым. Практика родовых имен, как это выявлено в частности О. В. Лосевой, А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, существовала на Руси XI в.²⁴ Как выявили российские исследователи, некоторые летописи называют Владимира-Василия Мономаха Андреем. Так же родовыми для отдельных княжеских кланов Рюриковичей они считают имена Георгий, Федор, Дмитрий, Борис и Глеб, Василий, Михаил, Гавриил, Николай и Иоанн²⁵.

Так же и у Ростиславичей культ св. Иоанна стал родовым, чем, возможно и попытались воспользоваться Роман и его старший сын Даниил, которые завладели их родовыми владениями. Однако после коронации Даниила Романовича эта традиция на Волыни, значительной части Поднестровья и Холмщине не прижилась. Лишь на юго-западе территории, контролируемой Васильковичами, культ св. Иоанна фиксируется, как это не удивительно, и источниками XIV–XV вв. В годы складывания Молдавского княжества тут чрезвычайно распространилось почитание уже другого Иоанна — св. Иоанна Нового (Сучавского)²⁶.

* * *

Чем объяснить такие особенности геральдических традиций галицких Ростиславичей? Ростиславичам, которые лишились прав на киевский стол еще в 1052 г., удалось закрепить за собой в качестве отчины Перемышльское, Звенигородское, Тереховское княжества. На далекой окраине Руси они очень рано начали терять ощущение единства с обширным родом Рюриковичей. В круге новых политических ориентаций, где Киев занимал место наравне с Польшей, Венгрией, Византией, и начался, как нам кажется, процесс поиска новых геральдических символов для династии, которым и стал св. Иоанн, и, возможно, св. Василий Кесарийский для Васильковичей. С угасанием династии Васильковичей в середине XII в., и собственно Ростиславичей на рубеже XII–XIII вв. эта традиция прервалась.

Если наше предположение верно, попытки отождествления владельцев печатей Ростиславичей с изображением двух святых будут бесперспективными. Или специально для отождествления печатей Ростиславичей должна быть разработана новая методика. Однако это станет возможным только тогда, когда увеличится количество известных нам княжеских булл из Прикарпатья.

1 Янин В. Л. *Актовые печати Древней Руси*. Т. 1. Печати X — начала XIII вв. М., 1970; Т. 2. *Новгородские печати XIII–XV вв.* М., 1970; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. *Актовые печати Древ-*

- ней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. *Новгород и новгородская земля. История и археология*. Вып. 12. Новгород, 1998. С. 338–357; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. *Новгород и новгородская земля. История и археология*. Вып. 14. Великий Новгород, 2000. С. 283–314; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. *Новгород и новгородская земля. История и археология*. Вып. 15. Великий Новгород, 2001. С. 179–197; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. *Новгород и новгородская земля. История и археология*. Вып. 16. Великий Новгород, 2002. С. 154–173; Янин В. Л., Гайдуков Л. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2003 г. *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 17–57; Янин В. Л., Гайдуков Л. Г. Древнерусские печати, зарегистрированные в 2004 г. *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 19. Великий Новгород, 2005 (в печати).
- 2 Баумгартен Н. А. Первая галицкая династия. *Летопись историко-родословного общества*. Т. 3. М., 1907. С. 1–48.
 - 3 Саввов Р. В. Древнерусские вислые печати. <http://russianchange.narod.ru/collect/savvov/savvov.html>.
 - 4 Печать № 121 г *Свода* имеет неустановленное происхождение и только храниться в Киеве: Булгакова В. И. Древнерусские печати из собрания Национального музея истории в Киеве. *Российская археология*. 1997. № 4. С. 166–167.
 - 5 Войтович Л. *Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження*. Львів, 2000. С. 148.
 - 6 Версия об основании этого храма Володарем восходит не к летописи, но к М. Стрыйковскому (*Kronika Polska, Litewska, mudzka i wszystkiej Rusi* Macieja Strzykowskiego (Warszawa, 1846), 187.
 - 7 См. Примечание 17.
 - 8 Baumgarten N. de. *Genèalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle* (Roma, 1927), Table III, № 9.
 - 9 Добавим, что по сообщениям частных коллекционеров, печати, близкие к этому типу, чрезвычайно распространены на Киевщине и в их среде они отождествляются с одним из сыновей Владимира Мономаха. Однако познакомиться с печатями этого типа в других частных коллекциях Украины нам, к сожалению, пока что так и не удалось.
 - 10 Вне нашего анализа оставляем печати с изображением: святой + Богоматерь, святой + архангел. Первая группа, без сомнения может быть связана с церковными иерархами (В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков делают исключение разве что для таких князей, как Изяслав Ярославич и его сын Ярополк, печати которых в годы скитаний по Европе могли претерпеть специфические изменения: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. *Актовые печати Древней Руси X–XV вв.* Т. 3. С. 59), что касается второй группы, в нашем распоряжении нет устоявшейся точки зрения. Однако отметим, что на церковных буллах из Поднестровья обязательно изображен св. Василий Кесарийский. В. Л. Янин и П. Г. Гайдуков уже отмечали, что из пяти экземпляров известных нам печатей с изображением св. Василия и Богоматери четыре происходят из Львовской области (еще один из Киева), что позволяет попытаться отождествить эти печати с епископами галицкой кафедры, из которых для XII в. известен лишь Козьма (упоминается в 1156 и 1167 гг.), да и епископы владимир-волинской кафедры в XII в. так же плохо известны (Там же. С. 58–59).
 - 11 Юшкевич Ю. М., Трофимов А. И. «Процветший» крест на Руси. *Гербовед*. — 3 (15) — М., 1997. — С. 118.
 - 12 Белецкий С. В. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X–XI вв.) *У источника. Сборник статей в честь члена-корреспондента РАН С. М. Каушанова*. Ч. I. М., 1997. С. 103.
 - 13 См., в частности, нашу работу: Плахонін А. Г. Давньоруська провінційна династія в світлі сфрагістичних джерел (Ігор Ярославич та його нащадки). *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики*. Число 6 (7). Ч. 1. К., 2001. С. 136–152.
 - 14 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей в X–XIV вв. Династическая традиция сквозь призму антропониимики*. М., 2006. С. 419–432.
 - 15 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI — начала XIII в. *Религии мира. История и современность*. 2002. М., 2002. С. 54. По именованию первых Ростиславичей, как кажется, возможно реконструировать идеологию этой

- династии. Дети Ростислава, кроме Рюрика, получили имена Володарь и Василько. Василько христианское имя Владимира Святого, а Володарь, хотя и самостоятельное имя, в то же время является усеченным вариантом имени Владимир: усечение потребовалось из-за преждевременной, с точки зрения унаследования Киева, смерти основателя рода — Владимира Ярославича (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей*. С. 58–59).
- 16 В поисках устоявшихся пар имен А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский обратились к «Истории Российской» В. Н. Татищева, который по неизвестному нам источнику называл Ростислава Михаилом (Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 78; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей*. С. 422). У В. Н. Татищева сообщение о рождении и крещении Ростислава появилось лишь в качестве приписки уже в конце второй редакции второй части. Впрочем среди этих поздних вставок есть и сообщение о рождении и крещении другого Михаила — Святополка (Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 79). Год рождения Ростислава вовсе неизвестен русским летописям, год рождения Святополка извествен исключительно по *Новгородской первой летописи старшего извода* (НПЛ. — С. 16), однако В. Н. Татищев приводит не только год, но и точную дату — 8 ноября, а в списке БАН и издании 1773–1774 гг., в отличие от *Воронцовского списка*, указано ошибочно: «Новгородским 18 дня 6559(1051)» (Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 284). Так же среди вставок есть и другие точные даты рождений и смертей, неизвестные по русским летописям. Несомненно, вопрос об источнике этих вставок требует дополнительного изучения.
- 17 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей*. С. 559. Правда, иногда Иоанну Васильковичу в литературе приписывается родовое имя Игорь (например: Baumgarten N. de. *Gènèalogies et mariages occidentaux*, table III, № 9), однако эта информация восходит к В. Н. Татищеву (Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 2. С. 138; Т. 4. С. 185–86). Упоминание Игоря Васильковича присутствует в пространной статье «Истории Российской» о последствиях смерти Володаря Ростиславича. Однако в первой редакции эта пространная статья отсутствует, а в комментариях, где помещена большая часть дополнительной информации, но не имя Игорь Василькович, есть ссылка на ее источник, — М. Стрыйковского и М. Кромера (Татищев В. Н. *История Российская*. Т. 4. С. 184, 433). Однако имя Игоря ни у М. Стрыйковского, ни у М. Кромера нам обнаружить не удалось. Летопись же знает только об имени Иоанн (*ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 304, 308), версия же о тождестве Иоанна летописи и Игоря у Татищева и вовсе является плодом научной догадки позднейших исследователей.
- 18 *ПСРЛ*. Т. 2. Стб. 665.
- 19 Войтович Л. *Князівські династії*. С. 225.
- 20 Рус. пер. см.: Большакова С. А. Папские послания галицкому князю как исторический источник. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1975 г. М., 1976. С. 123–125. Эту мысль можно было бы развивать следующим образом: Даниил родился уже после захвата Романом Галича (см.: Dąbrowski D. *Rodowód Romanowiczów książąt halicko-wołyńskich* (Poznań-Wrocław, 2002), 60–61) и, возможно, крещение старшего сына и наследника именем Иоанна по замыслу Романа должно было свидетельствовать о непрерывности княжеской династии на Галичине. Как бы там не было, это имя среди Романовичей не прижилось. Лишь племянник Даниила — Владимир Василькович — был крещен под именем Иоанна. В пользу предположения, что Даниил имел еще одно имя Иоанн, по мнению Л. В. Войтовича, свидетельствует тот факт, что он основал в Холме патрональный кафедральный храм в честь Иоанна Златоуста (*Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар*. За ред. М. Ф. Котляра. К., 2002. С. 122). Св. Иоанн, в летописной повести защищает не только Даниила, но и его города, в частности Луцк (вместе со св. Николаем) во время осады ордой Куремсы (Там же. С. 121). Впрочем, заметим, что в случае с патроном Ростиславичей, речь идет о св. Иоанне Предтече.
- 21 Большакова С. А. Папские послания. С. 126–129. На отсутствие имени Иоанн, приведенного в публикации Тургенева, в оригинале посланий обратили внимание еще М. С. Грушевский (Грушевский М. С. *Історія України-Руси*. Т. 3: *До року 1340*. Вид. 2-е. Львів, 1905. С. 70) и В. Абрахам (Abraham W. *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi*. Т. I (Lwów, 1904), 125. przym. 6). Е. Е. Голубинский считал, что под именем Иоанн здесь скрывается брат Даниила Василько (Голубинский Е. Е. *История русской церкви*. Т. 1. *Период первый, киевский или домонгольский*. Вторая половина тома. М., 1904. С. 83).
- 22 *Monumenta Ucrainae historica*. Т. I. (1075–1623) (Рим, 1964), 2. Еще одно издание этих писем: *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia* (1075–1953). Т. I: 1075–1700

- (Roma, 1953). По этому вопросу см. также: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. *Выбор имени у русских князей*. С. 533–534.
- 23 Предположение Е. Е. Голубинского о возможности наличия двух христианских имен у одного князя (Голубинский Е. Е. *История русской церкви*. Т. 1. С. 428–429) мы склонны относить к числу историографических казусов.
- 24 Лосева О. В. Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика. *Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Папуто, Москва, 11–13 апреля, 2001: Материалы конференции*. М., 2001. С. 126–133; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор славянского и греческого имени для русского князя. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. *«Славяне и их соседи»*. XX конференция памяти В. Д. Королюка. М., 2001. С. 55–61.
- 25 Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Пути усвоения. С. 67–69.
- 26 Пивоваров С. *Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра*. Чернівці, 2001. С. 95–96.

Андрей Плахонин